

№ 1–2

Первый номер журнала открывается небольшим очерком Харальда Бьорванда (H. Bjorvand), посвященным проблеме этимологии английского слова *ale* 'эль, пиво' (The Etymology of English *ale*, pp. 1–8), имеющего параллели практически во всех германских языках. Автор предлагает вместо распространенной среди германистов этимологии Покорного, возводящего весь пучок лексем к протогерм. **alup-* < **alu-* 'горький, кислый' (IEW 33), соотносящимся также с лат. *alūmen* 'квасцы', другую протоформу. Соотнесение с финно-угорскими данными (финск. *olut*, эст. *õlu*), которые являются ранними и.е. заимствованиями, позволяет автору сделать вывод, что «обозначение пива восходит к двум разным формам старого цветообозначения **olu-/olut-* с общим значением 'светлый, яркий, красноватый'» (р. 4). Выведенный им и.е. этимон — **H₁olú-t*. В статье также затрагивается проблема датировки и локализации ранних контактов прото-германцев с финно-уграми. Таким образом, обозначение пива соотносится с и.е. обозначениями животных, сводимых к цветовому признаку (желтый, красный), к и.е. **el-/ol-* (олень, лось и проч.)

Работа Б. Меса (B. Mees, Chamalières *sníeθθic* and 'binding' in Celtic, pp. 9–30) в основном представляет собой полемику с исследованием Дж. Эска (J. Eska. Remarks on linguistic structures in a Gaulish ritual text // *Indo-European Perspectives*. JIES Monograph 43, 2002), предложившим рассматривать свинцовую табличку из Шамальера (Галлия) не как *defixio*, а как любовное заклинание. Соответственно, смена предполагаемой прагматики текста вызвала и новую интерпретацию его отдельных форм. Так, *sníeθθic* во второй строке таблички Эска переводит как «и нам». Б. Мес предлагает вернуться к старой оценке прагматики текста и видеть в нем призыв к «подземным богам» и желание проклясть именованных в табличке лиц. Соответственно, форма *sníeθθic* оценивается им как глагольная, но в отличие от своих предшественников он видит в ней не презенс, а императив, образованный от ОК **sni-* 'связывать' и «перфективного суффикса» *-tH₂e* (р. 13) – «и пусть ты совсем их свяжешь!» В статье также даются интересные параллели с валлийской и древнеирландской лексикой семантиче-

ского поля «клятва, заклинание, предсечение, проклятие».

Кельтская тема продолжается и в статье В. Сайерса об истоках образа матери Гренделя из поэмы *Беовульф* (W. Sayers, *Grendel's Mother and the Celtic Sovereignty Goddess*, pp. 31–52). Автор обращает внимание на то, что мать монстра Гренделя в поэме никак не описана, зато неоднократно называется чувство, которое она вызывает – *gryre* 'ужас'. Сопоставление с многочисленными описаниями древнеирландской богини власти, предстающей в монструозном облике и также вызывающей *gráin* 'ужас, отвращение', позволяет ему предположить общность происхождения мотивов и, более того, реконструировать скрытый христианским флером древнеанглийского текста лежащий в основе сюжета конфликт между законной и незаконной властью над данами. В качестве одной из предположительных этимологий имени самого Гренделя Сайерс предлагает соотнесение с др.-ирл. *grindell* 'дно, песок на дне', но также в качестве переносного значения – 'ужас, дрожь, хаос'. Соответственно, др.-англ. *gryre* и др.-ирл. *grain* он считает однокоренными (к и.е. **gher-* 2 'тереть, измельчать' IEW, 439). Проблеме локализации прото-германской «прародины» как на карте Европы, так и во времени посвящено основательное междисциплинарное исследование М. Рифкина (M. J. Rifkin, *A Spatial Analysis of Neolithic Cultures throughout Eastern, Central, and Northern Europe in Relation to Proto-Germanic*, pp. 53–81). Кроме ставшего уже традиционным сочетания лингвистического и археологического подходов к глубокой диахронии, автор привлекает для исследования не только данные генетики и состава крови носителей германских диалектов (что тоже постепенно становится «общим местом»), но и особую методику вероятностного нанесения локуса на карту (GIS – Geographic Information Systems), разработанного ESRI (Economic and Social Research Institute, California). М. Рифкин отталкивается от трудов М. Гимбутас, собранных в издании M. GIMBUTAS, *The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe* (1977) и ее теории, согласно которой примерно до середины 3 тыс. до н. э. север и запад Европы занимало население, в

котором преобладала матрилинейная система родства (и которое почитало богиню-мать), которое практически не знало ни оружия, ни лошади, занималось в основном собирательством, охотой и примитивным земледелием и почти не изготавливало керамики. Постепенно (тремя последовательными, но членимыми волнами) с востока в Европу стали продвигаться пастухи-кочевники индоевропейцы, жившие по патрилинейной системе, маскулинно-ориентированные, хорошо вооруженные и давно domesticiровавшие лошадь. Население «старой» Европы было не только завоевано пришельцами, но и индоевропеизировано ими (что, как мы понимаем, в частности, выразилось и в смене языка, оставившего заметный след в языках-потомках соответствующих и.-е. диалектов). В частности, главным «каналом», по которому двигались индоевропейцы, были зоны северного Причерноморья и затем – устье Днестра (в работе даются подробные карты). Сопоставив теорию Гимбутас с другими теориями (в основном, А. Хойслера – A. HÄUSLER, *Zur Problematik des Ursprungs der Indo-Germanen*. BAR International series, 2004), а также заложив в базу данных GIS все свидетельства о найденных на территории Восточной Европы археологических объектах, М. Рифкин приходит к выводу, что первые контакты индоевропейцев с населением старой Европы имело место севернее, в районе Припяти, и несколько позднее. Оттуда, по его мнению, племена индоевропейцев направились на север и северо-запад и примерно в 2800 г. до н. э. на территории Ютландии заложили основу прото-германской расы, являющей собой смешение доиндоевропейского населения и нескольких волн индоевропейских переселенцев. В своих выводах он опирается также на тот факт, что, согласно данным биологической статистики, именно в районе южной Скандинавии наиболее часто встречается отрицательный резус-фактор, что является реликтом генетических особенностей доиндоевропейского населения. Статья снабжена многочисленными картами и математическими расчетами.

Совершенно иной подход к близкой в чем-то проблеме изложен в работе В. Блажека «От Шляйхера до Старостина» (V. Blažek, *From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of tree-diagram models of the Indo-European languages*, pp. 82–109). В начале статьи воспроизводится схема-«древо» родства индоевропейских языков, предложенная еще Августом Шляйхером в 1860 г. и, естественно, еще не включающая в себя анатолийские языки. Как наглядно показывает автор, примерно в таком же виде «древо» индоевропей-

ских языков существует в лингвистической традиции вот уже более ста пятидесяти лет, лишь в незначительной степени уточняясь и почти не модифицируясь. Так, и у Вяч. Вс. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе, и у Эрика Хэмпса (HAMP E. *The Pre-Indo-European Language of Northern (Central) Europe // When Worlds Collide: The Indo-Europeans and the Pre-Indo-Europeans*. Ann Arbor, 1990), и в работах, использующих новую методику компьютерной обработки данных (RINGE D., WARNOW T. and TAYLOR A. *Indo-European and computational cladistics // Transactions of the Philological Society* 100/1, 2002) отдельным «рукавом» висят анатолийские языки, затем выделяются тохарские, неизменным оказывается близкое родство языков внутри индо-иранской подгруппы, постулируется наличие подгрупп – балто-славянской и итало-кельтской (хотя последнее для кельтологов давно уже является позавчерашним днем!). Несколько особо на этом фоне выглядит классификация индоевропейских языков В. Георгиева (GEORGIEV V. *Introduction to the History of the Indo-European Languages*. Sofia, 1981), который объединил тохарские языки с балто-славянскими и германскими в одну «северную» подгруппу, а также включил в свою схему лигурский, пеласгский и другие языки «сомнительной принадлежности». Объединяет все классификации индоевропейских языков, как описанные, так и не описанные автором, и отсутствие каких-либо четких критериев для определения датировок распада групп уже внутри семьи.

Описанная В. Блажеком методика работы С. А. Старостина была разработана им в течение многих лет и получила некое предварительное окончательное оформление в ходе работы над коллективным проектом в Санта-Фе (*Workshop on the chronology in linguistics*, Santa Fe 2004). Базирующаяся на методике лексикостатистической обработки языковых данных, предложенной еще М. Сводешом, но значительно усовершенствованной в работах С. А. Старостина, новая классификация индоевропейских языков, во-первых, позволяет относительно точно установить датировки глубины распада подгрупп, а, во-вторых, дает возможность наконец покончить с отдельными иллюзорными подсемьями лингвистической традиции. Так, как показано в работе В. Блажека, распад индоевропейской семьи датируется примерно 4670 г. до н. э., так же детально (и очень наглядно!) в работе прослеживается и выделение и дальнейший распад и.-е. микро-семей (индо-иранской, палео-балканской, романской, германской и проч.). При этом В. Блажек придерживается одной и той же

строгой методики изложения материала: в начале приводится несколько традиционных «деревьев», а затем помещается новая схема Старостина с точными датировками и значительными уточнениями и даже перестановками его отдельных «ветвей».

В то же время работа В. Блажека является иллюстрацией развития и совершенствования метода глоттохронологии в свете продолжения идей Старостина об изменении постоянного коэффициента λ с течением времени и о разной степени устойчивости лексем основного списка. Так, позволив себе обратиться к данным фрагментарно зафиксированных мертвых языков, автор предлагает учитывать все дошедшие до нас синонимы, вне зависимости от «базовости» их лексического статуса (см. р. 103–104). Новой методике в работе В. Блажека пока подверглись только славянские языки, что не привело к особым изменениям родственных связей внутри самой семьи, но зато сильно «омолодило» ее: так, распад общеславянской общности, датируемый Старостиным примерно 130 г. н. э., у Блажека попадает на 520–600 гг., тогда как отделение, например, белорусского от украинского, соответственно, датируется уже не 1390, а 1630 гг. (см. подробнее – схемы на р. 102).

Небольшая работа М. Пирса (M. Pierce. *Vowel Epenthesis vs. Schwa Lexicalization in Classical Armenian*, pp.111–120) посвящена отдельным процессам исторической фонологии армянского языка и неоднозначности их интерпретации в современной лингвистике.

В заметке М. Хульда (M. Huld. *Albanian gogël and Indo-European 'acorn'*, pp.121–128) предлагается интерпретация немотивированной этимологии албанского обозначения желудя: к и.-е. **Haig-* + **g^w!A-o-*, букв. 'дубовый желудь'. По мнению автора, слово 'желудь', восходящее, в свою очередь, к одному из и.-е. обозначений дуба (**g^w!A-*), со временем приобрело вторичное значение – 'головка пениса', в результате чего собственно ботаническое обозначение потребовало вторичной дефиниции.

Завершает выпуск большая работа Франсиско Адрадоса «Панорама индоевропейской лингвистики начиная с середины 20-го века: успехи и застой» (Fr. Adrados. *A panorama of Indo-European Linguistics since the Middle of the Twentieth Century: Advances and Immobilism*, pp.129–153). Статья в основном посвящена обзору собственных работ за указанный период и во многом носит личный характер.

No 3–4

Второй выпуск журнала 2007 года в основном посвящен разным аспектам индоевропейской мифологии в их частных проявлениях и в значительной степени состоит из материалов конференции «Глубинные корни повествования» (The Deep Histories of Stories), которая проходила в Эдинбурге 28–30 августа 2007 года. Главной темой и задачей конференции был поиск индоевропейских повествовательных формул и отдельных сюжетных элементов, выявляемых при помощи сопоставлений традиционных повествовательных жанров разных традиций. Особый интерес представляло описание и уточнение «найденной» не так давно Четвертой Дюмезилевской функции (трикстер/женщина). Для тех, кого это может заинтересовать, мы приводим список составляющих номер работ:

N. J. ALLEN. *The Heimdall-Dyu Comparison Revisited*, pp. 233–248.

J. SHAW. *A Gaelic Eschatological Folktale, Celtic Cosmology and Dumézil's "Three Realms"*, pp. 249–274.

H. NEALE. *Iblis and the Threefold Death Motif in a Medieval Persian Hagiography*, pp. 275–284.

K. BEK-PEDERSEN. *A myth in Folktale Clothing*, pp. 285–296.

A. PETROSYAN. *The Indo-European *H₂ner(t)-s and the Dānu Trtibe*, pp. 297–310.

D. A. MILLER. *Legends of Hair: Tracing the Tonsorial Story of Indo-European King and Hero*, pp. 311–322.

M. MAGDOLINA-TATÁR. *The Myth of Macha in Eastern Europe*, pp. 323–345.

V. KRYUKOVA. *Gates of the Zoroastrian Paradise*, pp. 345–356.

D. BUYANER. *The Myth of the Bridge of Separator: a Trace of Shamanistic Practices in Zoroastrianism?*, pp. 357–370.